

Э. В. Будаев

**Советский политический дискурс:
англосаксонская традиция анализа¹**

УДК 811.161.1(09)

В статье дана характеристика англосаксонской школы лингвистической советологии как направления в зарубежных исследованиях Советского Союза. Выделены основные этапы развития лингвистической советологии, ее ведущие направления, охарактеризованы аспекты исследования советской политической коммуникации и методы исследования, которые использовали советологи.

Ключевые слова: лингвистическая советология, политическая коммуникация, этапы развития советологии.

E. V. Budaev. Soviet Political Discourse: Anglo-Saxon Tradition of Research

The paper investigates Anglo-Saxon traditions of linguistic Sovietology as a scholarly trend of Soviet studies in XXth century. It delineates the main stages in the evolution of linguistic Sovietology. The paper reviews leading schools of the Anglo-Saxon Sovietology and the variety of aspects and methodologies of research into soviet political communication.

Keywords: linguistic Sovietology, political communication, totalitarian discourse, history of science.

Важное место среди научных изысканий, посвященных изучению политики, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза, занимает лингвистическая советология, предметом исследования которой служат языковая политика в СССР, осо-

© Будаев Э. В., 2015

¹ Исследование подготовлено при поддержке РГНФ (14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»).

бенности советского тоталитарного дискурса, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза [1].

В нашей стране долгие годы провозглашалось, что все зарубежные советологи — это малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и «страшилками». Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. При обращении к публикациям зарубежных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ориентацию авторов, которая в одних случаях проявляется в непосредственных обвинениях и оценках, а в других — обнаруживается лишь при углубленном внимании к деталям.

При обращении к истории англосаксонской лингвистической советологии можно выделить три основных этапа ее развития. Первый из них — этап становления — относится к периоду до конца Второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в США и Великобритании. Следующий этап приходится на период холодной войны и последующей разрядки, когда идеологическое противостояние было максимально обостренным. Третий этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри нашей страны, а зарубежные специалисты все чаще начали выступать как эксперты и даже консультанты.

Становление лингвистической советологии

К числу основоположников лингвистической советологии справедливо относят Уолтера Липпманна (1889-1974), который в годы Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, а затем занялся изучением проблемы эффективности политической агитации и пропаганды. Многие его

идеи уже давно воспринимаются как аксиомы и прописные истины, соответствующие исследования стали своего рода базой для формирования понятийно-терминологического аппарата политической лингвистики. Например, в современной науке активно используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса определения повестки дня» (agenda-setting process), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «значимость» в восприятии общества, а также охарактеризовал определение повестки дня как важный прием манипулирования политическим сознанием.

У. Липпманн разработал эффективную методику применения контент-анализа как инструмента для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, еще в 1920 г. У. Липпманн совместно с Ч. Мерцем опубликовали исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г. Анализ показал, что среднему американцу невозможно было составить сколь угодно объективного мнения о происходящих событиях ввиду антибольшевистской предвзятости публикуемых текстов [27].

Важную роль в становлении лингвистической советологии сыграл Пол Лазарсфельд (1901–1976), активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по изучению воздействия радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» — исследовательского института, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. П. Лазарсфельд вместе со своим коллегой Р. Мертоном разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к различным политическим проблемам, среди которых важное место занимало отношение к тоталитарным идеологиям и соответствующим режимам.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию полити-

ческой пропаганды «лидеры общественного мнения» (opinion leaders), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени.

Среди ведущих американских советологов называют также профессора Гарольда Лассуэлла (1902–1978), которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассуэллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества, или кризиса демократии. Использование этой методики позволило сделать вывод о том, что политический язык советской элиты на протяжении двадцатых-сороковых годов все дальше и дальше уходил от демократических традиций.

Лингвистическая советология в период холодной войны и разрядки

Отношения Советского Союза со странами Западной Европы и США резко изменились после Второй мировой войны. На смену военному союзу объединенных наций пришли холодная война, железный занавес, равновесие страха и охоты на ведьм.

Во второй половине сороковых годов продолжает активную научную деятельность и Гарольд Лассуэлл, который по-прежнему стремится использовать исследовательский потенциал методов квантитативной семантики. В 1949 г. была опубликована коллективная монография «Language in Politics: Studies in Quantitative Semantics» [25], значительная часть которой была посвящена полити-

ческой коммуникации в Советском Союзе. Г. Лассуэлл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи на основе анализа коммуникативной практики коммунистов и иного подобного речевого материала выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц, их частотностью и политическими процессами. Так, в совместном исследовании Сержа Якобсона и Гарольда Лассуэлла «Первомайские призывы в Советской России (1918–1943)» [5] было выделено 11 категорий ключевых символов (обозначение «своих» и «чужих», использование национальной и интернациональной символики, обращение к внутренней и внешней политике и др.), а затем проведено исследование их частотности на различных этапах развития СССР. Авторы показывают, что такое исследование позволяет лучше понять динамические процессы в господствующей идеологии и нюансы советской политики.

По мере того как военное сотрудничество между СССР и странами Запада переросло в холодную войну, зарубежные исследователи стали обращать самое пристальное внимание на внутри- и внешнеполитические средства советской пропаганды. В это время появляется одна из первых крупных работ по советской политической коммуникации — книга Алекса Инкелеса «Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion» («Общественное мнение в Советской России: Исследование массового убеждения») [21]. Помимо рассмотрения советской информационной политики она содержала анализ интервью с бывшими гражданами СССР. А. Инкелес пришел к выводу об «абсолютном» контроле СМИ советскими властями. Вместе с тем автор резюмировал, что «система советской коммуникации далека от того, чтобы обеспечивать тотальное убеждение населения, ее эффективность гораздо ниже того уровня, которого советские лидеры хотели бы достигнуть» [21, с. 319].

Продолжением исследований А. Инкелеса стала книга Д. Холландера «Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin» («Советское политическое внушение: изменения в СМИ и пропаганде со времен Сталина») [20]. Автор констатировал, что на смену сталинской системе тотального контроля над массами пришла более гибкая и свободная система управления общественным сознанием, которая характеризуется от-

носителем благоприятными возможностями для диалога и выражения различных точек зрения, в том числе и в официальных СМИ. Вместе с тем исследователи отмечали, что даже в период оттепели советские СМИ во многом придерживались традиций пропаганды, сложившихся при Сталине [24].

Среди публикаций, авторы которых максимально полно демонстрируют неприятие советской власти и всего, что с ней связано (в том числе и изменений в русском языке), особой непримиримостью выделяется книга Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при советах», изданная в Нью-Йорке [4]. Основную причину изменений авторы видят в следующем: «Неприглядность советской жизни, расхождение многообещающей пропаганды и невеселой, подчас трагической действительности вызвали у властей необходимость в словесном одурманивании, правда, часто разоблачавшемся в народе. Самолюбование и самовосхваление являются ширмой, прикрывающей безотрадное существование советских республик, за которыми установились восторженные эпитеты: цветущая Украина, солнечная Грузия и т.п.» [4, с. 30]. Вместе с тем в рассматриваемой книге можно обнаружить весьма интересный обзор публикаций (особенно созданных вне Советского Союза) и немало интересных замечаний об экспансии заимствований, а также просторечных, жаргонных и диалектных слов, о неумеренном использовании сложносокращенных слов и необоснованном отказе от множества традиционных для русского языка слов.

Отдельное внимание исследователей было направлено на изучение прагматики советской политической коммуникации: эффективности советской политической пропаганды, лингвистических и концептуальных средств убеждения, используемых в советских СМИ [26, 29, 38].

Политическая лингвистика часто оказывается значительно более инертной, чем живая политическая история. Уже М.С. Горбачев был избран лидером советских коммунистов, а многие советологи продолжали свои прежние исследования советского политического языка. Их изыскания варьируются от изучения общественно-политической терминологии [14] и исследования коммунистических нарративов [13] до детального анализа новостной политики

в конкретных советских СМИ [32] и структуры сигнификации в обращениях генеральных секретарей КПСС [35]. Но новая политическая ситуация и нарастающий общественный интерес все настойчивее требовали принципиально новых подходов к изучению советской политической коммуникации.

Лингвистическая советология: от перестройки к постсоветскому периоду

Отношения между Советским Союзом и западными странами резко изменились в середине 80-х гг., что в значительной степени обусловило наступление нового этапа в развитии как общей, так и лингвистической советологии. В новых условиях все чаще появляются исследования явлений, связанных с новыми политическими процессами. В этот период американские и западноевропейские специалисты по советской политической коммуникации все чаще выступают в зарубежных изданиях качестве экспертов по новым процессам в советской (и российской) политической коммуникации. Эти же специалисты нередко выступают в советских СМИ как своего рода консультанты по демократизации языка и общества в целом.

Наибольшее внимание в середине и конце 80-х гг. привлекает дискурс М.С. Горбачева и формирующийся дискурс перестройки [12, 17, 28, 34]. На фоне особого внимания к социально-политическим процессам, проходящим в СССР, возникла потребность в исследованиях, позволяющих объяснить дискурсивные новообразования в советской политической коммуникации. Активно используемая в период перестройки политическая лексика нередко сбивала с толку западного читателя. Так, в СССР *консерваторами* называли коммунистов, в то время как на Западе консерваторы были традиционными противниками коммунизма. В СССР словосочетание *черный рынок* содержало мелиоративные коннотации, потому что черный рынок был единственным эффективно действующим экономическим механизмом, основывающимся на законе спроса и предложения. Специалисты отмечают, что слова *российский* (*Russian*) и *советский* (*Soviet*), традиционно воспринимаемые на Западе как синонимы, больше не являются взаимозаменяемыми и нередко

употребляются в СССР в противопоставительном смысле для политической идентификации сторонников советского режима и демократических перспектив развития страны.

Интерес к дискурсу перестройки сохранился и в последующие десятилетия. Так, в монографии профессора калифорнийского университета в Беркли Э. Уолкера [37] были рассмотрены семантические трансформации ключевых символов советского политического дискурса в период перестройки: «суверенитет», «союз», «федерация», «конфедерация», «независимость». По мнению автора, активное употребление этих понятий привело к неожиданным для идеологов нового мышления результатам, потому что под одну и ту же форму выражения подводились самые различные и даже противоположные смыслы. Например, центральным партийным руководством «независимость» понималась как новое и привлекательное название для автономности, тогда как демократические (а также сепаратистские и националистические силы в союзных и автономных республиках) понимали независимость как подлинное самоопределение. Подобные «коммуникативные недоразумения» сыграли существенную роль в дезинтеграционных процессах и становлении постсоветских государств.

А. Р. Де Люка [15] проследил, как смена риторики М.С. Горбачева влияла на внутривнутриполитическую ситуацию в СССР и взаимоотношения Советского Союза с остальным миром. Автор последовательно демонстрирует, что новый политический и медийный дискурс, пропаганда политических символов *перестройки, гласности и нового мышления* меняли общественное мнение и привели не к реформированию, а к развалу системы.

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что, изменяя советский политический дискурс, М.С. Горбачев надеялся ослабить тоталитарную дискурсивную практику, но не подозревал (или не до конца осознавал), что изменение краеугольных для политического дискурса концептов приведет к фундаментальному преобразованию самой действительности.

Не меньший интерес среди советологов вызвали проблемы функционирования политического языка начала 90-х гг., в период последнего кризиса советской государственности [11, 18, 19, 36].

Исчезновение Советского Союза несколько не уменьшило интереса ученых к советскому политическому дискурсу. Более того, для советологов открылись новые перспективы. Демократические преобразования на постсоветском пространстве позволили объединить усилия отечественных и зарубежных специалистов, что привело к появлению совместных исследований (см. коллективную монографию [31]). В последнее время все чаще появляются переводы зарубежных исследований советского политического дискурса на русский язык [2, 3, 5].

Среди других особенностей современной советологии следует отметить возросший интерес к сопоставительному анализу. В частности, были проведены исследования советского политического дискурса переходного периода в сравнении с политической коммуникацией других стран, в которых протекали схожие политические процессы [23, 31]. Появились исследования, посвященные диахроническому сопоставлению. Так, М. Дьюирст предпринял попытку сопоставить цензурные ограничения в дискурсе советских и российских СМИ 1991 и 2001 гг. [16], Дж. Терпин сопоставила содержание советских СМИ при Л.И. Брежневе и М.С. Горбачеве [33], а в монографии Дж. Меррея проанализирован медийный дискурс от эпохи Л. И. Брежнева до президентства Б. Н. Ельцина [30].

Отдельного внимания заслуживает многоаспектная исследовательская программа Р. Д. Андерсона, направленная на сопоставление тоталитарного советского и демократического российского дискурсов [6, 7, 8, 9]. Основываясь на идеях, высказанных Г. Лассуэллом, Р. Д. Андерсон предпринял попытку найти практическое обоснование положению о том, что процесс коммуникации служит индикатором, позволяющим определить, разделено ли общество на управляющих и управляемых или представляет собой единое гражданское общество, в котором избиратели поддерживают тех или иных претендентов на власть. Согласно дискурсивной теории демократизации Р. Андерсона истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. При смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом един-

стве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они узнают не только о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р.Д. Андерсон обращается к сопоставительному анализу советско-российских политических метафор [7]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966–1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991–1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность метафор размера, личного превосходства и субординации Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти, а на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные».

Отдельное внимание Р.Д. Андерсон уделит исследованию специфики концептуального дистанцирования в коммунистическом и демократическом дискурсах. Эта специфика проявлялась в соотношении количества глаголов и существительных, способах построения синтаксических конструкций и других особенностях речи [6].

В круг интересов современных советологов входит не только политический дискурс в СССР, но и средства манипуляции общественным сознанием при формировании образа СССР в политическом дискурсе других стран. Так, Р. Айви продемонстрировал, что в период холодной войны в США регулярно использовался эффект размывания границы между буквальными и метафорическими выражениями. Исследователь пишет о ситуации, сложившейся в аме-

риканском политическом дискурсе: «мы перестаем говорить об одной сущности в понятиях другой сущности и начинаем воспринимать различные понятия (например, «дикарь» и «советский человек») как одно целое... Мы руководствуемся фигуральными выражениями, но действуем так, как будто они буквальные, не понимая, что две различные смысловые сферы сплелись в единое целое» [22, с. 72]. Подобное исследование провел Дж. Беккер, но предметом его анализа стал образ США в советской и российской прессе [10]. Сопоставление исследований советского дискурса и публикаций по изучению образа СССР в западных государствах показывает, что некоторые явления, традиционно приписываемые тоталитарному дискурсу, были характерны и для формирования образа врага в политической коммуникации демократических стран. Чрезвычайно далеко от реальности навязываемое противопоставление благородных героев, распространяющих правду и воспевающих идеалы свободы, гнусным лжецам, которые заботятся только о собственной выгоде. В условиях острой политической борьбы невозможно было всегда оставаться правдивыми и объективными, и это относится к практикам политической коммуникации, находящимся как по одну, так и по другую сторону идеологических баррикад.

Исследования коммуникативной практики в официальном политическом дискурсе Советского Союза продолжают до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем. Сюда же следует отнести кардинальные различия между дискурсом господствующей партии и дискурсом оппозиции, существование наряду с официальным дискурсом (новоязом) еще и «языкового сопротивления», «антитоталитарного дискурса».

Вместе с тем можно заметить, что большинство американских и британских «советологов» оказались не в силах обнаружить какие-либо достоинства в советском политическом языке. Читая подобные исследования, иногда невозможно понять, почему коммунистическая пропаганда добилась столь впечатляющих успехов во всем мире, чем можно объяснить чрезвычайную прагматическую эффективность советской политической коммуникации. Враждебность к коммунистической идеологии у некоторых советологов оборачивалась неприятием и острой критикой едва ли не всех аспектов соответствующей политической коммуникации и даже собственно языковых инноваций.

Остается надеяться, что в будущем как российские, так и зарубежные исследователи советского политического дискурса смогут объединить усилия и дать объективную характеристику лингвистических причин успехов и поражений советской пропаганды. По-прежнему остается актуальной задача разграничения общих закономерностей политической коммуникации, специфики тоталитарного дискурса и особенностей политической коммуникации в Советском Союзе. Но это будет уже совершенно новый этап развития лингвистической советологии.

1. Будаев Э.В. Лингвистическая советология. Екатеринбург : ГОУ ВПО УрГПУ, 2009.
2. Лейтес Н. Сталин глазами Политбюро // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 146–154.
3. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 2002. С. 337–383.
4. Фесенко А. В. , Фесенко Т.П. Русский язык при Советах. Нью-Йорк: б/и, 1955.
5. Якобсон С. , Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 123–142.
6. Anderson, R. D. Look at All Those Nouns in a Row: Authoritarianism, Democracy, and the Iconicity of Political Russian // Political Communication. 1996. Vol. 13, № 2. P. 145–164.

7. Anderson R. D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 2. P. 312–335.
8. Anderson R. D. The Causal Power of Metaphor: Cueing Democratic Identities in Russia and Beyond // *Metaphorical World Politics: Rhetorics of Democracy, War and Globalization* / Ed. by F. A. Beer, Ch. De Landtsheer. East Lansing, MI : Michigan State University Press, 2004. P. 91-110.
9. Anderson R. D. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // *Post-Communism and the Theory of Democracy* / Ed. by R. D. Anderson, M. S. Fish, S. E. Hanson, P. G. Roeder. Princeton : Princeton University Press, 2001. P. 96–125.
10. Becker J.-M. Soviet and Russian Press Coverage of the United States. London: Palgrave, 2002.
11. Belin L. The Russian Media in the 1990s // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. 2002. Vol. 18. № 1. P. 139-160.
12. Benn D. Glasnost in the Soviet Media: Liberalization or Public Relations? // *Journal of Communist Studies*. 1987. Vol. 3. № 3. P. 267-276.
13. Bourmeyster A. Soviet political discourse, narrative program and the Skaz theory // *The Soviet Union: Party and Society* / Ed. by P. J. Potichnyj. Cambridge, 1988. P. 107–120.
14. Bruchis M. The nationality policy of the CPSU and its reflection in Soviet socio-political terminology // *The Soviet Union: Party and Society* / Ed. by P. J. Potichnyj. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 121–141.
15. DeLuca A. R. Politics, Diplomacy, and the Media: Gorbachev's Legacy in the West. Westport; London: Praeger Publishers, 1998.
16. Dewhirst M. Censorship in Russia, 1991 and 2001 // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. 2002. Vol. 18. № 1. P. 22–31.
17. Downing J. Trouble in the Backyard: Soviet Media Reporting on the Afghanistan Conflict // *Journal of Communication*. 1988. Vol. 2. P. 5–32.
18. Downing J. Issues for media theory in Russia's transition from dictatorship // *Media Development*. 2002. Vol. 1. P. 5–32.
19. Dunn J. A. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // *Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995* / Ed. by J. Dunn. Basingtoke : Palgrave Macmillan, 1999. P. 3–22.
20. Hollanderъ D. Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin. New York: Praeger Publisher, 1972.

21. Inkeles A. *Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950.
22. Ivie R. L. *Cold War Motives and the Rhetorical Metaphor: A Framework of Criticism // Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology*. East Lansing: Michigan State University Press, 1997. P. 71–79.
23. Jones A. *The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia*. Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.
24. Kecskemeti P. *The Soviet Approach to International Political Communication // The Public Opinion Quarterly*. 1956. Vol. 20, No 1. P. 299–308.
25. *Language in Politics: Studies in Quantitative Semantics* / H. D. Lasswell [et al.]. New York : George W. Stewart, 1949.
26. Lendvai P. *The Bureaucracy of Truth. How Communist Governments Manage the News* / P. Lendvai. London: Burnett Books, 1981.
27. Lippmann W. *A Test of the News // The New Republic*. 1920. Vol. 33(296).
28. Mcnair B. *Glasnost, Restructuring and the Soviet Media // Media, Culture and Society*. 1989. Vol. 11. № 3. P. 327–349.
29. Mickiewicz E. *Media and the Russian Public* / E. Mickiewicz. New York: Praeger, 1981.
30. Murray J. *The Russian Press from Brezhnev to Yeltsin*. Aldershot: Edward Elgar, 1994.
31. *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991* / Ed. by P. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Pub, 1998.
32. Roxburghъ A. *Pravda, Inside the Soviet News Machine*. London: Victor Gollancz, 1987.
33. Turpin J. *Reinventing the Soviet Self. Media and Social Change in the Former Soviet Union*. Westport: Praeger, 1995.
34. Urban M. *Political language and political change in the USSR: notes on the Gorbachev leadership // The Soviet Union: Party and Society* / Ed. by P. J. Potichnyj. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 87–105.
35. Urban M. *The Structure of Signification in the General Secretary's Address: A Semiotic Approach to Soviet Political Discourse // Coexistence*. 1987. Vol. 24. № 3. P. 187–210.
36. Urban M. *The Russian Free Press in the Transition to a Post-Communist Society // The Journal of Communist Studies*. 1993. Vol. 9. № 2. P. 20–44.

37. Walker E. W. *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

38. White S. The Effectiveness of Political Propaganda in the USSR // *Soviet Studies*. 1980. Vol. 32. № 3. P. 323–348.

В. В. Катермина

Человеческий фактор в языке

УДК 81'44

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования человека, языка и культуры. Изучение человеческого фактора в языке позволяет выявить дополнительные коннотации и увидеть различия в восприятии действительности членами языкового коллектива. В статье подчеркивается, что язык — это среда существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие; человек стоит в центре языковой картины мира как начало отсчета всех категориальных координат языка.

Ключевые слова: *человеческий фактор, язык, культура, этнос, языковая личность, языковая картина мира, лингвокультурология.*

V. V. Katermina. The Human Factor in the Language

The article is devoted to the description of peculiarities of a person, language and culture. The offered approach of studying the human factor in the language reveals implicit connotations and makes it possible to see the differences in perception of reality by the members of speech community. The article considers the language as environment where a person exists constantly interacting with it, while the person is seen as the center of the linguistic world picture and as starting point for all categorical coordinates of the language.

Keywords: *human factor, language, culture, ethnos, language personality, linguistic picture of the world, linguoculturology.*